

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

И.М. САВЕЛЬЕВА

СТАЛА ЛИ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКОЙ?

ЭНЕРГИЧНЫЕ ОБЪЯТИЯ СЦИЕНТИЗМА¹

Задача статьи – показать, как происходила трансформация истории в социальную науку и в чем история по-прежнему остается наукой гуманитарной. Двуликость истории, ее не только формальная, но и фактическая принадлежность к двум кластерам наук о человеке, проблематизируется как конфликт между теорией и методом в случаях, когда историки используют теории социальных наук. Хотя историки необыкновенно активно обращаются к социальным наукам, они обычно не могут использовать многие средства и приемы исследования, составляющие инструментарий той или иной теории, на которые опираются социологи, психологи или антропологи – психометрическое тестирование, социометрический мониторинг, этнографическое описание, глубинные интервью, long-term observation и др. Как же в этом случае выбирать путь исследования? И что происходит, если историк опирается на теорию, разработанную для другой дисциплины, которая предполагает совсем иные возможности для работы с объектами в настоящем? Для ответа на этот вопрос анализируются примеры из разных исторических субдисциплин.

Ключевые слова: история, социальные науки, гуманитарные науки, теория, метод, символический интеракционизм, культурная интерпретация.

Ледяные объятия научности (Х.У. Гумбрехт)

Историческое знание традиционно относилось к области гуманитаристики, хотя в современных классификаторах наук история чаще включается в состав социальных дисциплин. Конечно, деление наук о человеке на социальные (social sciences) и гуманитарные (humanities) – явление относительно недавнего времени. Как заметил известный французский историк Э. Ле Руа Ладюри, «вплоть до предшествующего столетия научное познание как таковое основывалось на диалоге двух культур: точных и гуманитарных наук, математики и интуиции, духа геометрии и духа изящного. Со времен Фукидида и до Мишле история являлась частью гуманитарных наук. А позднее появилась, сначала украдкой, затем открыто и демонстративно, “третья культура” – социальные науки»².

---

¹ Данное научное исследование 14-01-0063 выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

² Ле Руа Ладюри 1993. С. 153-173. С. 172. См.: также ключевую в данном контексте работу Вольфа Лепениса: Lepenies 1985.

Все же и сегодня историю не всегда классифицируют как социальную науку: тем самым, позиция ее и формально, и по существу остается двойственной. Более того, со времени становления истории как научной дисциплины устойчиво присутствует и крайняя точка зрения, согласно которой, история – не наука, а искусство (причем, в значении «осмысление мира в художественном образе», а не *liberal arts*). Все эти позиции представлены как внутри самого исторического сообщества, так и вне его – социальными учеными, учеными-историками, общественностью. Моя задача в данной статье обнаружить, в чем история по-прежнему *не* соответствует социальной науке, в которой многие ведущие представители нашей профессии видят модель для исторической дисциплины. Другая задача – показать, что гуманитарная составляющая исторического знания, как и прежде, обладает ценным когнитивным потенциалом и утрата его привела бы к невосполнимым лакунам в знании о человеке.

Континуум наук о человеке

В основе всех классификаций наук (знаний) – от Платона и Аристотеля до наших дней – лежали два принципа: *по предмету* и *по методу*. Намеченные древними мыслителями подходы сохранялись, по существу, в основе всех последующих представлений о классификации знаний (по крайней мере, в европейской и отчасти в арабской культуре). Однако после многих веков создания бесчисленных классификационных схем, занятия, которому предавались и философы, и геометры (вплоть до Огюста Конта, Андре Мари Ампера, Генриха Риккерта), в XX в. попытки классификаций наук стали уходить в прошлое, ибо, по остроумному замечанию немецкого историка Йозефа Фогта, все они напоминали, буллу 1493 г. «*Inter caetera divini*» папы Александра VI Борджиа, согласно которой через Атлантический океан был проведен условный меридиан. На запад от него все «возможные» (в смысле их открытия) земли должны были принадлежать испанцам, а на восток – португальцам. Но вскоре выяснилось неожиданное обстоятельство: если плыть как можно дальше на запад, то... попадешь на восток³.

Многочисленные способы классификации знания, утверждения новых наук и дисциплинарных кластеров – все это было только предвосхищением нынешнего устройства «древа познания»⁴. Современное поле наук представляет собой континуум, и провести разграничительные линии между науками, равно как и сгруппировать их, далеко не

---

³ Утченко 1966. С. 238.

⁴ См.: Makkreel, Luft 2010. P. 554-597; Makkreel 2012. P. 293-322.

просто. Сегодня представляется, что единственным разумным подходом к проблеме классификации является прагматический, при котором классификационные системы создаются в связи с нуждами университетов, издательств, библиотек, энциклопедий, библиометрических исследований и статейных рейтингов, электронных баз данных и информационных служб. Это – прикладные классификаторы наук, а не бесчисленные спекулятивные систематизации, предлагавшиеся испокон веков. Все такие классификаторы подразделяют науки на три блока – science, social science⁵ и humanities (в шутку знаменитый физик Лев Ландау делил науки на естественные, неестественные и противоестественные).

Способ классификации наук *по предмету* и *по методу* используется сегодня и для различения гуманитарных и социальных наук. Если границу пытаются провести по предмету, то *гуманитарные науки* определяются, например, как академические дисциплины, которые изучают культуру («the humanities are academic disciplines that study human culture»). При этом к гуманитарным наукам относятся те, предметом которых являются древние и современные языки, литература, философия, религиоведение, визуальные и перформативные искусства, такие как музыка и театр. Эти дисциплины до сих пор составляют предметное ядро образования *liberal arts*, которое предназначено научить «как думать творчески и критически, убеждать и вопрошать»⁶.

Очевиден изъян выделения области *humanities* по предмету. Существует большая группа *социальных наук* именно о культуре (*cultural anthropology, media studies, cultural studies, cinema studies* и т.д.). Существует социология культуры, и отдельно – социология литературы, музыки, театра и т.д. То же можно сказать и об экономике и других базовых социальных науках. Не случайно в целом по предмету они иногда определяются как академические дисциплины, изучающие общество и взаимоотношения индивидов в обществе, но иногда предельно широко – как академические дисциплины, изучающие все аспекты мира, связанные с человеком. Тем самым предмет гуманитарных наук оказывается единым с предметом наук социальных.

Другое общепринятое различие между гуманитарными и социальными науками проходит не по предмету, а по методу. Считается, что гуманитарные науки используют преимущественно критические или

---

⁵ О классификациях подр. см.: Савельева, Полетаев 1997. Гл. 1.

⁶ The Stanford Humanities Center. <http://shc.stanford.edu/why-do-humanities-matter>. Кстати, именно этой фразой в разных американских университетах многие профессора в своих слайдах описывают задачи курса.

спекулятивные методы и нагружены историзмом. (Оставим за скобками, что гуманитарным наукам часто приписывают не только научные задачи – классификация, описание и объяснение, но и более широкую – критическую – функцию.) Предполагается, что этим они отличаются от социальных наук, которые для познания общества используют способы, напоминающие методы *естественных* наук, – преимущественно эмпирические и формализующие. Но и с этой дистинкцией все не так однозначно. Во-первых, странно, что различие между гуманитарными и социальными науками определяется по отношению к третьему – естественным наукам. Во-вторых, в социальных науках существует немало направлений, полагающихся на интерпретативные методы социальной критики или символические интерпретации. В современной практике наук о человеке, с их многообразием и акцентом на междисциплинарность, исследования чаще всего отличаются эклектикой, смешением разных приемов, от квантификации до спекулятивных построений.

Примечательно, что практически все новые науки о человеке, появившиеся в основном во второй половине XX в. и изучающие коммуникацию, культуру, образование, окружающую среду, международные отношения, интернет, медиа, лингвистику, социальную работу (*communication, cultural studies, education, environment, human geography, international relations, internet, linguistics, media, social work*) идентифицируются как *социальные* науки. Уже сама эта идентификация свидетельствует об устремленности к вхождению именно в корпус социальных наук, соответственно, о теоретических и методических претензиях на *hard science*. Хотя, как легко догадаться, представители многих из них полагаются преимущественно, а порой и исключительно, на интерпретативные методы. В то же время в современных гуманитарных науках важен интерес к областям, связанным с антропологией, социальной географией, экологией, науками о поведении и пр. При этом, как уже было сказано, историю относят то к социальным, то к гуманитарным наукам.

Впрочем, проблемы с определением места истории в поле знаний о человеке существовали всегда. История не вполне укладывалась в классификационные схемы, основанные на принципах членения по предмету и методу, намеченные еще древними мыслителями. В результате ее либо вообще «истребляли» как самостоятельную область знания или научную дисциплину (от Эпикура до позитивистов XIX в.), либо, наоборот, относили к истории почти все мыслимые науки, в том числе и естественные (как это делали, например, Фрэнсис Бэкон и Дени Дидро). Проблемы возникали даже при сужении предмета истории

до сферы изучения общества – она или вообще выпадала из классификационных схем, или начинала занимать в них непропорционально большое место. В книге «История и время: в поисках утраченного»⁷ мы с Андреем Полетаевым утверждали, что сложности с определением места истории в системе научного знания во многом преодолеваются, если науки о человеке, наряду с классификацией по предмету и методу, классифицировать *по времени*, к которому принадлежит объект их изучения, – прошлому или настоящему. Введение этой классификационной оси многое объясняет в специфике научного исторического знания, однако вопрос о принадлежности истории к социальным или гуманитарным дисциплинам остается. Задача, поставленная в данной статье, предполагает одинаковое внимание к двуликости истории, ее не только формальной, но и фактической принадлежности к наукам «неестественным и противоестественным».

Здесь речь пойдет только о когнитивном статусе исторической науки, а не о социологии сообщества историков, подразумевающей организационно-институциональный анализ, положение исторической дисциплины в университете и обществе, ее социальную значимость, критическую функцию и т.п., хотя понятно, что способ организации сообществ создает атмосферу, влияющую на производство и содержание знаний⁸.

В XIX в., в ходе так называемой второй научной революции в университетах, совершился переход от общего знания о человеке к наукам о человеке, включавший такие процессы как специализация и профессионализация. Как показала Лорен Дастон, профессионализация и специализация в английской, французской и немецкой Академиях происходили по-разному, но везде эти процессы вели к институционализации социально-научного знания⁹. В начале XX столетия академические дисциплины, оснащенные собственными факультетами, кафедрами, учебными программами, системами оценивания превратились в отдельные универсумы¹⁰ и «...совершенно преобразили благодатную интеллектуальную панораму конца XVIII – начала XIX в. Оправдывая свое название, они разработали мощный дисциплинирующий механизм контроля и ограничений. Обладая монополией на сертификацию и контролем над

---

⁷ Савельева, Полетаев 1997. Подробно о классификациях наук см. гл. 1.

⁸ Critical Inquiry...; Пост 2011; Qu'est-ce qu'une discipline?...; Lloyd 2009. Применительно к гуманитариям: Steven 2006. P. 15-21; Богданов 2006. С. 18-29.

⁹ Daston 1999.

¹⁰ Abbott 2001; Lepenis 1989; Novick 1988.

учебными планами, наймом, штатным расписанием и распределением финансов, они обезопасили себя с помощью четко проведенных границ»¹¹. Речь, конечно, идет не только об институциональных барьерах и механизмах администрирования и контроля. Параллельно между науками происходило размежевание и в когнитивной сфере: формировались собственные правила построения дисциплинарных дискурсов, теории, методы, ключевые понятия. Тогда же началось размежевание гуманитарных наук с социальными, которые были существенно моложе. Тем не менее, науки о человеке опирались на общие концепты (историзм, эволюция, структура, порядок и др.)¹², на общепризнанные *grand theories*. Достаточно посмотреть на исторические работы XIX века, будь то набирающие силу марксистские школы, геоистория или социокультурная история, чтобы увидеть, что интеллектуальный багаж социального знания находился в общем распоряжении – скольжение от Чарльза Дарвина к Герберту Спенсеру или Джорджу Миду было нормальным явлением.

История как социальная наука

Однако не менее, а более важно, что, используя общие концепты, каждая наука обзаводилась и собственным теоретическим инструментарием, и набором исследовательских методов – отсюда знаменитый призыв Иоганна Густава Дройзена к историкам: «Ищите методы!»¹³. Уже в Предисловии ко второму тому «History of Hellenism», опубликованному в 1843 г. всего в нескольких экземплярах¹⁴, он говорил о недостатке в исторических штудиях собственно *исторической* теории при избытке философии истории. В знаменитом «Очерке истории» Дройзен писал, что история, именем которой иногда называют XIX столетие, как наука все еще не находит своей «жизненной точки» и по-прежнему заимствует ее то в философии истории, то в теологии истории, и бог весть, где еще. Дройзен видел задачу историков своего времени в обеспечении суверенитета исторической науки. Для этого он считал необходимым обобщить имеющиеся в распоряжении историков «методы, объединить их в систему, разработать их теорию и таким образом установить не законы истории, а только законы историческо-

---

¹¹ Sewell 2005. P. 2.

¹² Ziche 2014.

¹³ См.: Савельева, Полетаев 2008. С. 26-54.

¹⁴ В остальных экземплярах этого издания присутствовал только первый абзац предисловия с посвящением Ю. Ольсгаузену. Justus Olshausen (1800–1882) – немецкий востоковед и филолог, профессор Кильского и Кёнигсбергского университетов.

го процесса познания и знания»¹⁵. «Нам требуется такой как Кант, который бы пересмотрел не исторические материалы, а теоретическое и практическое отношение к истории...»¹⁶.

Кант у историков, кажется, не появился. Дройзен надолго остался неизвестным, но стремление к сциентизации дисциплины историков не миновало. Понятие «сциентизация», в духе социологии знания, конечно, стоит заключить в условные кавычки. Как правило, под сциентизацией наук о человеке имеется в виду их формализация, но у этой позиции, естественно, есть и будут серьезные оппоненты, считающие знание, не укрепленное строгими теориями, формулами и наблюдениями, ничуть не менее научным.

Процесс теоретической и методологической автономизации наук шел долго, и даже в 1930-е годы социальные дисциплины находились в стадии формирования, а многих из них еще просто не существовало. Основатели школы Анналов, М. Блок и Л. Февр, в попытках онаучивания истории все еще ориентировались на естественные науки¹⁷. Более всего их впечатляли открытия в физике. Важным следствием такой ситуации было относительное равноправие социальных и гуманитарных наук о человеке. История в то время не чувствовала себя падчерицей в мире социальных наук, а в глазах некоторых влиятельных мыслителей обладала даже центрирующим потенциалом (на такой презумпции базировалась, например, идея исторического синтеза, которую деятельно продвигал А. Берр). Паритет с социальными науками и отчасти запоздавшее освоение их достижений имел для развития исторической дисциплины важное значение. В первой половине XX века историки ощущали себя намного увереннее в области производства собственных теорий. Так, довоенная социальная история (Л.П. Карсавин, А. Пиренн, М. Блок, Л. Февр) по критерию теоретической самостоятельности безусловно превосходила «новую» социальную историю 1970-х. П. Шоню называет период 1930-х годов «ключевым временем» и для экономической истории¹⁸, указывая на ряд важнейших исследований, а зарождение геоистории связывает «в конечном итоге, с созданием одного научного произведения, в котором автор – Фернан Бродель – совершил переход от средиземноморской политики Филиппа II к Средиземноморью и Средиземноморскому Миру эпохи Филиппа II»¹⁹.

---

¹⁵ Дройзен 2004. С. 578.

¹⁶ Там же. С. 505-525.

¹⁷ Блок 1986. С. 11.

¹⁸ Шоню 1993. С. 137-151. С. 138.

¹⁹ Там же. С. 142.

Однако с 1930-х гг. формализация социальных наук стала стремительно нарастать, решая вопросы об адекватном инструментарии исследования и структуре знания, когда упорядоченной социальной реальности соответствует четкая структура дисциплины и алгоритмизированные процедуры. В конце 1930-х гг. появились первые работы Пола Самуэльсона, положившие начало изложению экономической теории в математических формулах, Талкот Парсонс опубликовал «Структуру социального действия» (1937), Роберт Мертон в тексте «Социальная теория и социальная структура» (1949) предложил свою версию функционализма. Стоит упомянуть и Пола Лазарсфельда с его идеей формализации и квантификации эмпирической социологии. Это действительно был огромный шаг в трансформации наук о человеке. Методом таких «сциентизированных» социальных наук могло быть что угодно – математика, кибернетика или лингвистика. Важно, что акцент ставился именно на формальных методах.

К 1960-м годам социология, экономика, антропология, политическая наука завоевали научное лидерство в науках о человеке, они стали задавать образцы и определять научную моду. На фоне их научных результатов историки, восприимчивые к новациям, почувствовали себя отставшими. Экономическая и социальная история стали двумя магистральями, ведущими историю в «дивный новый мир» социальных наук, а локомотивом оказалась клиометрика. Если посмотрим на исторические исследования 1960–70-х гг., то увидим, что многие из них опираются на серьезную статистическую базу. Таблицы, графики, и стоящая за ними кропотливая работа с цифрами – воспринимались как безусловные свидетельства научности исследования. Многим прогрессивным историкам казалось, что именно на этом пути можно обрести сильные объяснения и доказательства. В экономической истории главными темами становятся конъюнктурная динамика, экономические кризисы, экономический рост.

В других областях исторического знания в ответ возникает неудовлетворенность замкнутостью экономической истории, предельной условностью представленного ее средствами экономического человека, новое стремление к синтезу материального и духовного мира прошлого, но в то же время очевиден и соблазн использовать математические методы. К клиометрике обращаются исследователи политической (серийная административная история и регрессионная картография) и культурной истории (регрессионный анализ антропологических данных). Историки-демографы вычисляют нетто-коэффициент воспроиз-

водства и вероятность выживания в самых разных регионах и в очень далекие времена. Клиометрика приспосабливается к изучению ментальности: ведутся количественные исследования печатных письменных источников. Пытаясь постичь скрытые в словах смыслы, историки овладевают количественной семантикой.

Затем, как это обычно и бывает в науке, становится ясно, что посчитать можно далеко не все. Да и сами подсчеты – еще не объяснение. С использованием статистических методов происходит то, что происходит с любым научным новшеством после полосы обольщений – границы зоны их эвристической эффективности приходят в соответствие с их эвристической эффективностью. Клиометрические исследования постепенно занимают свою нишу. Весьма достойную, но все же нишу.

Результатом сложившейся ситуации для историков стала существенная трансформация способов сциентизации своей дисциплины, которая реализовалась теперь не столько в клиометрике, сколько в теоретическом обновлении дисциплины с помощью теорий разных социальных наук. Этот процесс получил название «стратегии присвоения» и был неоднократно описан в историографических трудах²⁰. Одним из результатов «стратегии присвоения» стало то, что в последние полвека историки произвели очень мало исторических теорий. Самые известные из них созданы достаточно давно: церемониалистское направление, заложенное Эрнстом Канторовичем (1957); теория трех уровней социальных изменений Фернана Броделя (1958); теория детства в раннее новое время Филиппа Арьеса (1960); «долгое средневековье» Жака Ле Гоффа (1985); история понятий Райнхарда Козеллека (1979).

«Стратегия присвоения» предполагает, что теории социальных наук, предназначенные для изучения современности, можно применять к познанию прошлого. Начиная с 1960-х гг. устанавливается следующая модель взаимодействия истории с социальными науками: выбор предмета исследования и соответствующей ему социальной науки – выбор макро- или микро- теории – применение теории к историческому материалу. Утверждение этой модели перевернуло отношения между историей и социальными науками, которые существовали со времен позитивистской парадигмы. Если согласно Конту, уделом историков было «материальное сопровождение» социальных

---

²⁰ См., напр.: Faire de l'histoire...; La nouvelle histoire...; Wehler 1980; The New History...; Novick 1988; New Perspectives...; Iggers 1997; Passés recomposés...; L'Histoire et le métier d'historien...; Репина 2011; Pomian 1999; Тош 2000; XX век: Методологические проблемы исторического познания.

наук, предоставление данных, на которых те могли базировать свои теории, то теперь, наоборот, социальные науки стали поставщиками теоретических концептов для историков. Хотя, как показали библиометрические исследования, в гуманитарных науках кривые восприимчивости (*receptivity curves*) сдвинуты по времени (цитирование сильных теорий начинается позднее, и продолжается тогда, когда они уже теряют популярность в смежных дисциплинах), историки достаточно быстро реагировали на новации в социальных науках (а в теориях в последней половине XX века недостатка не было).

В исторический обиход быстро вошли теории модернизации, мира-системы, стадий роста, неонституционализма, культурной интерпретации, сетевых отношений, символической власти, социального капитала, дискурсивный подход и многие другие. Существует немало интересных попыток микроисторических работ, проведенных с привлечением микро-социологических и микроэкономических теорий. Поистине выдающимся примером использования в исторических исследованиях самых разных наработок в области микроанализа стал Джованни Леви, который к тому же активно участвовал в дискуссиях по теоретическим проблемам микроанализа²¹.

Каждое направление в развитии исторической науки обращается к своему набору авторов, у которых они находят вдохновляющие идеи, методы и цитаты. Исторические труды пестрят ссылками на труды таких классиков экономики как Йозеф Шумпетер, Саймон Кузнец, Уолтер Ростоу, Карл Поланьи, Даглас Норт; социологии – Эмил Дюркгейм, Макс Вебер, Талкотт Парсонс, Шмуэль Айзенштадт, Иммануэль Валлерстайн, Пьер Бурдьё, не говоря уже о непреходящей популярности Карла Маркса. Ведущие антропологи (Клиффорд Гирц,

---

²¹ В наиболее явном виде понятийный, концептуальный и теоретический аппарат социальных наук применяется в работах Дж. Леви, посвященных экономической и социальной истории, а также обсуждению теоретических проблем микроанализа. В этом смысле творчество Леви чрезвычайно репрезентативно. Приведем лишь некоторые примеры продуктивного использования социальных теорий микроанализа в его работах. Из микроэкономики он использовал концепцию «ограниченной рациональности» поведения экономических субъектов, разработанную Гербертом Саймоном, который впоследствии получил Нобелевскую премию по экономике, и неонституциональную теорию функционирования рынков, которая восходит к работам Рональда Коуза, а с 1960-х гг. разрабатывалась Арменом Алчяном, Дагласом Нортом и др. Из аппарата микросоциологии Леви заимствует теории символического интеракционизма (Джордж Г. Мид, Герберт Блумер); «масштабов социального взаимодействия» Фредерика Барта; символической власти Пьера Бурдьё, сетевых взаимодействий Джорджа Хоманса и т.д.

Арнольд ван Геннеп, Эдмунд Лич, Клод Леви Стросс, Марсель Мосс, Маршалл Салинз и др.) выполняют роль классиков в исследованиях по исторической антропологии и истории ментальности. Можно назвать известных лингвистов, психологов, представителей культурных исследований, теории которых стимулируют научный поиск в разных исторических субдисциплинах²².

Вторжение социальных наук в историческую науку (*minimum optimum* на третьем этапе ее развития, согласно Рольфу Тоштендалю²³) традицию историописания не разрушило, а преобразовало. Это вовсе не были «ледяные объятия научности» (Гумбрехт), скорее я бы назвала объятия энергичными. Свободное обращение к разным теориям и теоретическим конструкциям сделало возможной дальнейшую историческую специализацию и привело к появлению множества исторических субдисциплин. Благодаря активному освоению инструментария социальных наук история сегодня демонстрирует колоссальный потенциал развития в предметной области, в способах самовыражения, в освоении новых материалов, в умении извлекать радикально новую информацию из уже известных документов.

Теории и методы, или «Петухи и коты»

До сих пор речь шла о массированном использовании социальных теорий историками и о результативности «стратегии присвоения». Однако этот процесс не был беспроблемным, а главное – он все время обнаруживал границы и тупики. Многие направления историографии, в которых сначала были получены впечатляющие результаты, позднее столкнулись с ограниченными возможностями применения социальных теорий для исследования прошлого, с явлением анахронизма или отсутствием адекватного инструментария для работы в рамках той или иной теории. Далее речь пойдет о пределах подобной сциентизации, которые обеспечивают востребованность гуманитарной составляющей исторической науки и сохраняют суверенность исторической дисциплины. Я формулирую эту проблему как конфликт между теорией и методом. Поясню сразу, что под методами имеются в виду именно методы (слово «метод», как известно, по-гречески означает «путь»), применительно к научной работе синонимами ему могут быть слова «прием», «способ». Вопрос о соотношении теории и метода при обращении историков к аппарату социальных наук представляется мне центральным в обосновании устойчивости гуманитарного компонента истории.

---

²² Подробнее см.: Савельева 2011. С. 491-515.

²³ Torstendahl 2015.

Опыт последних десятилетий показывает, что, если заимствование теорий и концептов казалось достаточно простым, то применение к историческому материалу методов, на которых базировались эти теории, очень часто не представлялось возможным. Хотя историки 1960-70-х гг. с энтузиазмом «учились считать» (вспомним знаменитую фразу Э. Ле Руа Ладюри, брошенную сторонникам дискурсивного анализа: «Ведь я с таким трудом научился считать, где уж мне выкроить время на овладение чтением»²⁴) и математическими методами овладели неплохо, с другими техниками исследования возникала проблема. Ведь историк обычно не может использовать средства и приемы познания, составляющие инструментарий той или иной теории, на которые опираются социологи, психологи или антропологи (они-то часто могут заимствовать техники исследования друг у друга) – психометрическое тестирование, социометрический мониторинг, этнографическое описание, глубинные интервью, *long-term observation*. Как же в этом случае выбирать путь исследования? И что происходит, если историк опирается на теорию, разработанную для другой дисциплины, которая предполагает совсем иные возможности для работы с объектами в настоящем?

Для ответа на этот вопрос можно привести примеры из разных исторических субдисциплин. Здесь, ведя речь о непростой связи теорий и методов, я обращаюсь к *cultural history*. Располагаясь на перекрестке истории и культуры, это направление широко использует теоретические возможности многих гуманитарных и социальных дисциплин. К тому же, будучи современным, возникнув на волне увлечения междисциплинарностью, оно впитало в себя и последовательно отразило большинство историографических поворотов и волн. Тем самым *cultural history* предлагает широкую панораму релевантных теорий в динамике.

Мой любимый пример «Петухи и коты» – когда-нибудь я напишу статью с таким названием. Следуя по стопам Клиффорда Гирца, историки пытались применить метод «насыщенного описания» (позаимствованный Гирцем у философа Герберта Райла)²⁵ для культурной интерпретации социального опыта разных общественных групп прошлых эпох. О роли Гирца в культурной истории кто только не писал. Один из прямых наследников Гирца в историографии Роберт Дарнтон не только опирался на его теорию, они с Гирцем много лет вели совместный семинар в Принстоне. Чтобы понять, насколько Дарнтон преуспел в применении методов своего наставника и коллеги, достаточно задать два

---

²⁴ Ле Руа Ладюри 1993. С. 153-173. С. 155.

²⁵ Гирц 2004. С. 56-57.

вопроса: «Что вы узнали о балийцах?» (из исследования Гирца «Глубокая игра: заметки о петушиных боях у балийцев»)²⁶ и «Что вы узнали о парижских ремесленниках 30-х гг. XVIII века? (из статьи Дарнтон «Рабочие бунтуют: великое кошачье побоище на улице Сен-Севрен»)²⁷.

Гирц месяцами жил в деревне на Бали. Его методы: постоянное наблюдение, общение и плотное описание глубоких²⁸ и «неглубоких» игр. Результат исследования – достаточно подробные и достоверные сведения о балийцах: из книги Гирца можно узнать практически все, начиная от устройства повседневной жизни и практик коммуникации до организации общественной структуры и еще важнее – символического мира балийцев. В распоряжении Дарнтон – трехстраничный рассказ очевидца, печатника Никола Конта²⁹, который в конце 1730-х годов обучался ремеслу на улице Сен-Севрен в Париже и поведал о том, что «за всю историю книгопечатни Жака Венсана там не случилось ничего более уморительного, чем великое кошачье побоище»³⁰. Рассматривая это повествование как художественный текст, Дарнтон использует его «для этнологического explication de texte»³¹. В дополнение к прямому, но более чем краткому источнику, привлекаются материалы огромного архива ТТН (Типографское товарищество Невшателя), по документам которого можно делать косвенные выводы («книгопечатное дело везде велось примерно одинаково»³²) о корпоративной организации ремесленников, но не Невшателя (Швейцария), а Парижа, их повседневной жизни, ритуалах и ценностях. Для проникновения в «смыслы, которые вкладывала народная культура в кошек» автор обращается к сказкам народов Европы, записанным (или написанным?) в XIX веке.

Не сказку ли мы получаем в итоге? Дарнтон в конечном счете опирается не на методы «плотного общения», а на весьма размытую идею Бахтина о раблезианской смеховой культуре и сам не очень уверен в своих выводах, заключая: «Возможно, когда типографы судили, причащали и вешали множество полудохлых кошек, они хотели вы-

---

²⁶ Там же. С. 478-522.

²⁷ Дарнтон 2002. С. 91-125.

²⁸ «Понятие Бентама “глубокая игра” мы находим в его книге «Теория законодательства». Под ним он имеет в виду игру, в которой ставки настолько высоки, что, с его утилитаристской точки зрения, людям вообще неразумно в нее ввязываться». (Гирц 2004. С. 478-522. С. 493).

²⁹ Кошачье побоище в изложении Конта: Contat 1980. P. 51-53.

³⁰ Там же. С. 91.

³¹ Там же. С. 91.

³² Там же. С. 98.

смеять систему правового и социального мироустройства³³. Ключевое слово здесь «возможно».

Бесспорно, если иметь в виду объем, глубину и точность информации, равно как и убедительность выводов, Дарнтон проигрывает Гирцу, и в этом смысле метод насыщенного описания в истории куда менее продуктивен, чем в социологии. Причина в том, что насыщенное описание историка не могло базироваться на включенном наблюдении, а подразумевало работу с источниками, которые к тому же были скудными и в большинстве своем прямо не относились к описываемому инциденту. Прошлые «других» сообществ невозможно объяснить методами, используемыми в культурной антропологии применительно к «другим» культурам, хотя бы потому, что невозможно закрыть лакуны в документах.

Если все же «додумать мысль до конца» и оценивать возможности использования теории культурной интерпретации именно в исторических исследованиях, то следует признать, что обращение к ней необычайно расширило и тематические горизонты, и источниковедческие возможности, а в результате историками были получены важные исследовательские результаты. Но они были получены, в том числе и потому, что в процессе познания участвовали гуманитарные практики. Включение воображения и работа в области допущений, что является приемлемыми гуманитарными методами, позволяют получить знание, которое невозможно добыть более «строгими» способами. Это очень важное подтверждение значимости гуманитарных основ истории.

Другой важной методологической опорой культурной истории стала теория символического интеракционизма (Джордж Герберт Мид, Герберт Блумер, Ирве Энгстрём (Yrjö Engeström), Дэвид Миддлтон, Томас Парк, Джеймс Хортон, Чарльз Кули, Флориан Знанецки и др.)³⁴. Ключевым положением теории символического интеракционизма, если встать на позицию гуманитарных наук, является тезис о том, что человеческое действие представляет собой не только взаимодействие между индивидами, но и взаимодействие в индивидуальном сознании. Важны не столько наши идеи, установки, или ценности, сколько постоянный непрекращающийся процесс размышления. Мы не просто обусловлены, мы не просто существа, на которых влияют окружающие, мы не просто продукты общества. Мы, по самой своей сути, мыслящие животные, всегда ведущие внутренний диалог, когда мы взаимодействуем с дру-

---

³³ Там же. С. 116.

³⁴ Mead 1934; Blumer 1969; Griffin 2006. P. 60; Charon 2009.

гими. Если мы хотим понять причину действия или события, надо концентрировать внимание на (раз)мышлении человека. Прошлое влияет на наши действия, прежде всего потому, что мы думаем о нем и обращаемся к нему для определения текущей ситуации.

Традицию символического интеракционизма в важном для историков плане продолжил Ирвинг Гофман, чья работа «The Presentation of Self in Everyday Life» (1959) «глубоко исторична в одном смысле: она подразумевает процесс. Любая идентичность рассматривается как результат договоренностей, которые происходят непрерывно. Ничто не рассматривается как окончательно зафиксированное. Каждая гофманианская интеракция содержит в себе свои фиксированные структуры, собственные изменяющиеся конъюнктуры (has within it its fixed structures, its changing conjunctures) и свои рутинные события. И структуры, которые кажутся фиксированными, на самом деле изменяются вследствие конъюнктурных и даже событийных обстоятельств (change in conjunctural or even “evenemential” ways), если распространить наш интерес на более долгий период, как это делает, например, Норберт Элиас»³⁵.

Теория символического интеракционизма может с успехом использоваться историками для исследования той же проблематики в прошлом, для изучения которой она более всего применяется в социологии и социальной психологии: социальных сообществ, коллективных действий, социальных движений, эмоций, девиантного поведения. Особенно эвристически перспективна эта теория для воссоздания прошлого сообществ с ярко выраженной склонностью к «самокомментированию» и рефлексии (интеллектуалов, художников, ученых).

По моему мнению, интерпретативные возможности символического интеракционизма пока используются историками недостаточно (в двух смыслах: редко и поверхностно). Причины этого отчасти коренятся именно в очевидности разрыва в области методов исследования социологов, психологов и историков. Используя теорию символического интеракционизма, историк сталкивается с тем, что применить предлагаемый ею инструментарий к историческому материалу напрямую невозможно. Приходится адаптировать к этой теории методы исторического исследования, искать замену «включенному наблюдению», вычитывая процессы социального взаимодействия и индивидуальных размышлений в имеющихся источниках и через них постигая, «почему люди делали то, что они делали» и как производились социальные смыслы, т.е. переключаясь в регистр гуманитарного подхода.

---

³⁵ Abbott 1991. P. 224.

Конечно, в истории достаточно примеров удачного использования «чужих» теорий в совокупности с их методами. Так, в *cultural history* применение методов семиотики, лингвистики, визуальных исследований позволило осуществить интересные исследования в области символических репрезентаций власти, проблематики империй, истории ритуалов, повседневности, отдельных событий и т.д. Использование данных методов стало возможным, потому что речь в этих случаях идет не о наблюдениях, а именно о способах изучения текстов в широком смысле, будь то письменные источники или визуальные объекты.

Однако в целом очень немногие социальные теории, становясь инструментом в руках историка, сохраняют свою целостность. Клиометрика как раз позволяла сохранить единство теории и метода и в этом смысле держала в «хорошей форме» экономическую и социальную историю, но как только спектр исторических субдисциплин и релевантных теорий стал расширяться, ситуация изменилась. Сегодня же в поле исторических исследований мы наблюдаем не упорядоченный и продуманный процесс перенесения теоретических конструкций из одной области в другую, а довольно хаотичное заимствование разного уровня теорий, концептов, инструментальных гипотез, гносеологических реконструкций, без намерения обратить внимание на методы, тем более – их освоить. На мой взгляд, современный историк придает своей теоретической карте лишь временную ценность, а не онтологический статус («карта не есть территория»), видя цель теории лишь в том, чтобы обеспечить свои действия предпосылками, логической связью и непротиворечивостью. В таком способе обращения с багажом социальных наук есть и безусловные плюсы: теории «смягчаются», что дает другую познавательную перспективу. Одним из выразительных свидетельств «свободы от строгости» является микроистория, где за уже упомянутым Дж. Леви, действительно обращавшимся к теориям микроанализа, пошли единицы, а к метафорике микроскопа обратились сотни, и именно их усилиями выросла история повседневности. И разве мало замечательных открытий было сделано!

История как гуманитарная наука

Сохранение гуманитарной ипостаси, будь оно сознательным или вынужденным, не кажется мне внутренним делом самой истории. В знаменитой статье «История и социальные науки»³⁶ Бродель, призывая представителей гуманитарных и социальных наук к сотрудничеству, констатировал начавшееся движение к созданию «публичного

---

³⁶ Braudel 1958. P. 725-753.

домена» не только идей (это было всегда), но и теорий, методов, предметных полей и специализаций. Этот «публичный домен», ставший одним из ярких проявлений междисциплинарности, многим обязан и гуманитарным наукам.

Мы знаем, что к концу прошлого века эйфория по поводу возможности открытия и применения универсальных законов, всеобъясняющих теорий, достижения междисциплинарного синтеза, всеилия математических методов и многих других универсальных отмычек поубавилась не только в гуманитаристике, но и в самих социальных науках. Осознание пределов возможностей социальных наук укрепило когнитивный статус гуманитарных: свидетельство тому не только лингвистический, но и исторический поворот в социальных науках. Последний обнаруживается в целом ряде дисциплин, и в нем на самом деле проявляется, казалось бы, давно утраченный *империализм* истории, поскольку налицо очередной виток *историзации* ряда наук (и не только социальных, но и естественных), выраженный в активном использовании неodarвинистской эволюционной теории³⁷, «глубокой» биологической или когнитивной истории³⁸, успехах эволюционной экономики³⁹, историзации экологии⁴⁰. «Эта историцистская переориентация и усложнение современного аналитического инструментария подразумевает также обращение к тем познавательным комплексам и структурам социального самопознания и самопредставления, которые были выработаны, например, в XVII столетии или в период романтизма. Комплексы прошлых научных и социальных идей – не просто предыстория мысли, которую можно заключить в скобки, они действительны и за пределами своих собственных эпох. Особенно это касается, во-первых, востребованности в разные периоды XX века и в начале XXI столетия классических методологических и философских работ раннего Нового времени (например, Декарта, Вико или Гоббса), во-вторых, актуальности историко-научного самосознания для развития конкретных социогуманитарных дисциплин»⁴¹.

Устойчивая эффективность гуманитарных способов познания объясняется тем, что гуманитарные науки имеют дело со смыслами (тексты разного вида), а социальные – с процессами, институтами, ме-

---

³⁷ The Return of Science...; Fracchia, Lewontin 1999.

³⁸ Smail 2008.

³⁹ См., например: Witt 2008; Frontiers of Evolutionary Economics...

⁴⁰ Szabo 2010.

⁴¹ Дмитриев 2015.

ханизмами, *agency* и пр. Гуманитарные науки, в отличие от социальных, не предлагают модели и не ведут наблюдения, а постигают смыслы, в том числе и «высшие смыслы», определенно находящиеся вне компетенции социальных наук. Использование специфических гуманитарных подходов позволяет уловить вещи более эфемерные, чем тренды, паттерны, механизмы или статистические закономерности.

Обращение к смыслам, столь типичное для гуманитаристики, во все не представляет собой отказ от научного подхода, во всяком случае, если руководствоваться общепринятыми определениями научности: «Истинно научный анализ должен соответствовать фактам, отвечать критерию простоты и иметь объясняющую силу»⁴². Сила гуманитарных наук состоит, в том числе, и в их “мягкости”, от которой они не могут избавиться, и которая обеспечивает исследовательскую гибкость, что влечет за собой совсем иное устройство познавательного механизма и открывает иные перспективы исследования. Так, гибкость гуманитарных наук часто ведет к метафоризации даже высокоформализованных концепций социальных наук («зависимости от предшествующего пути», «плотного описания», «символической власти», «социального взаимодействия» и пр.), колоссально расширяя не только поле, но и результативность их применения.

Сами гуманитарные науки остаются мощным источником эвристически сильных *vague theories* (неопределенные, туманные теории), которые именно в силу своей «не строгости» чрезвычайно легко находят себе место в самых разных дисциплинах, от этнологии до литературоведения (*Die Sattelzeit*, *longue durée*, теория карнавала, археология знания, «смерть автора» и т.д.). Чем теория менее строгая, тем более популярной и успешной она может быть. До сих пор востребованы многие интуиции М. Бахтина или Вальтера Беньямина, изложенные в манере, о которой Сьюзен Зонтаг пишет: «Фразы у него рождаются не так, как мы привыкли: одна не следует из другой. Любая возникает как первая – и последняя. (“В каждом предложении писатель должен ставить точку и начинать заново”, – сказано в предисловии к работе “Происхождение немецкой барочной драмы”). Движение мысли и истории развернуто как панорама идей, тезисы заострены до предела, от интеллектуальных перспектив кружится голова»⁴³.

Благодаря энтузиазму, с которым историки осваивали теории социальных наук, происходил очень важный для науки процесс демар-

---

⁴² Леви-Стросс 2001. С. 42.

⁴³ Зонтаг 1997.

кации «области применения». Об этом просто и убедительно написала Сьюзен Лангер, а Гирц счел важным воспроизвести большой пассаж из ее книги «Философия в новом ключе»⁴⁴ в программной главе книги «Интерпретации культур». Лангер отмечала, что «некоторые идеи с удивительной силой распространяются в интеллектуальной среде. Они сразу решают столько фундаментальных проблем, что создается впечатление, будто они могут решить все фундаментальные проблемы вообще, прояснить все непонятные вопросы. Их сразу подхватывают, видя в них ключ к новой, перспективной науке, концептуальный центр, вокруг которого можно построить всеобъемлющую систему анализа. Неожиданная привлекательность такой *grande idee*, вытесняющей на время все другие идеи, обуславливается... тем фактом, что “активно работающие и восприимчивые к новому умы сразу же пускают ее в эксплуатацию. Они пытаются использовать ее в любой связи, для любой цели, экспериментируют с возможными расширениями ее строгого значения, с ее абстракциями и видоизменениями”. Однако, как только мы освоились с новой идеей, и она вошла в общий фонд расхожих теоретических концепций, наши ожидания приходят в большее соответствие с ее реальной пользой, и наступает конец ее чрезмерной популярности. Несколько энтузиастов, по-прежнему видящих в ней ключ ко всем тайнам вселенной, всегда остается, но более самостоятельные мыслители постепенно начинают привязывать ее лишь к тому конкретному комплексу проблем, который эта идея действительно поставила на повестку... Таким образом она приобретает статус программной идеи, занимающей постоянное и прочное место в нашем интеллектуальном арсенале (разумеется, если у нее был действительный потенциал). Но она утрачивает те грандиозные, всеобъемлющие масштабы охвата и те безграничные перспективы применения, которые имела поначалу»⁴⁵.

В этом процессе определения зоны использования модных социальных теорий, историки во второй половине прошлого века сыграли важную роль, попутно много узнав о непреодолимой гуманитарной специфике своей науки.

То, что историческое познание по-прежнему нуждается в методах исследования скорее гуманитарных, чем социальных наук, обеспечивает устойчивость аксиоматического ядра истории. Критика источников, герменевтическое прочтение текстов – очень многое из того, что до сих

---

⁴⁴ Langer 1960.

⁴⁵ Гирц 2004. С. 9-10.

пор входит в понятие «мастерство историка» и чему обучают студентов – это гуманитарные практики, они остаются в арсенале исторической науки, так как незаменимы при изучении прошлого. Работа историков с социальными теориями и методами является манифестацией единства поля наук о человеке. Размышления в этом направлении, как мне кажется, можно экстраполировать на гуманитарные науки в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- XX век: Методологические проблемы исторического познания / Ред. А.Л. Ястребицкая. В 2-х ч. М.: ИНИОН РАН, 2001.
- Блок М.* Апология истории или ремесло историка. Москва: Наука, 1986.
- Богданов К.А.* Гуманитарий – где, когда и почему: социометрия и (русский) язык // Новое литературное обозрение. 2006. № 5. С. 18–29.
- Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А.* Русские профессора: университетская корпоративность и профессиональная солидарность. М.: НЛЮ, 2012.
- Вишленкова Е.А., Мальшиева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: КГУ, 2005.
- Гириц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
- Гириц К.* Глубокая игра: заметки о петушиных боях у балийцев. / Он же. Интерпретация культур. С. 478–522.
- Гириц К.* Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Он же. Интерпретация культур. С. 3–10.
- Гумбрехт Х.У.* Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // Новое литературное обозрение. 2006. № 5. С. 7–17.
- Дарттон Р.* Рабочие бунтуют: великое кошачье побоище на улице Сен-Северн. М.: НЛЮ, 2002.
- Дмитриев А.Н.* Введение // Науки о человеке: история дисциплин / Ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. М.: ВШЭ. 2015 (в печати).
- Дройзен И.Г.* Очерк истории [1858] // Дройзен И.Г. Историка. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 571–583.
- Дройзен И.Г.* Теология истории (Предисловие ко 2-му тому «Истории эллинизма») [1843] // Дройзен И. Г. Историка. С. 505–525.
- Зонтаг С.* Под знаком Сатурна // Зонтаг С. Мысль как страсть. Избранные эссе 1960-70-х годов. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
- Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М.: Новый хронограф, 2006.
- Ле Руа Ладюри Э.* Застывшая история // THESIS, 1993, вып. 2. С. 153–173.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
- Пост Р.* Дискуссии о дисциплинарности // Новое литературное обозрение. 2011. №107. С. 107–122.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.
- Савельева И.М.* Классики в исторической науке: «свои» и «чужие» // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 491–515.

- Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Возведение истории в ранг науки» (к юбилею Иоганна Густава Дройзена) // Диалог со временем. 2008. Вып. 25. С. 26–54.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997.
- Сословие русских профессоров: создатели статусов и смыслов / Ред. Е.А. Вишленкова, И.М. Савельева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.
- Тош Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь Мир, 2000.
- Утченко С.Л.* Глазами историка. М.: Наука, 1966.
- Шоню П.* Экономическая история: эволюция и перспективы // THESIS, 1993, вып. 1. С. 137–151.
- Abbott A.* Chaos of Disciplines. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
- Abbott A.* History and Sociology. The Lost Synthesis. Social Science History. 1991, 15/2: P. 201–238.
- Blumer H.* Symbolic Interactionism; Perspective and Method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1969.
- Braudel F.* Histoire et sciences sociales: La longue durée // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1958. №4. P. 725–753.
- Charon J.M.* Symbolic Interactionism: An Introduction, an Interpretation, an Integration. Boston: Prentice Hall, 2009.
- Contat N.* Anecdotes typographiques où l'on voit des coutumes, moeurs et usages singuliers des compagnons imprimeurs / Ed. G. Barber, Oxford: Oxford University Press, 1980. P. 51–53.
- Daston L.* Die Akademien und die Einheit der Wissenschaften. Die Disziplinierung der Disziplinen // Die Königlich Preußische Akademie der Wissenschaften zu Berlin im Kaiserreich / J. Kocka, R. Hohlfeld, P.Th. Walther. Berlin: Akademie Verlag, 1999.
- Faire de l'histoire / J. Le Goff, P. Nora. 3 Vol. P.: Éditions Gallimard, 1974.
- Fracchia J., Lewontin R.C.* Does Culture Evolve? // History and Theory. 1999. Vol. 38. P. 1–13.
- Frontiers of Evolutionary Economics / Eds. J. Foster, J. Stanley Metcalfe. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2001.
- Goldman H.* Max Weber and Thomas Mann: Calling and the Shaping of the Self. Berkeley: University of California Press, 1988.
- Griffin E.A.* A First Look at Communication Theory. Boston: McGraw-Hill, 2006.
- Iggers G.G.* Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge. Hanover (NH): Wesleyan University Press; University Press of New England, 1997.
- L'Histoire et le métier d'historien en France 1945–1995 / Ed. F. Bédarida. P.: Editions de la MSH, 1995.
- La nouvelle histoire / R. Chartier, J. Le Goff, J. Revel. P.: Retz/CEPL, 1978.
- Langer S.* Philosophy in a New Key. Cambridge (Mass.), 1960.
- Lepenies W.* Die drei Kulturen. Soziologie zwischen Literatur und Wissenschaft. München: Hanser, 1985.
- Lepenies W.* Gefährliche Wahlverwandtschaften. Essays zur Wissenschaftsgeschichte. München: Hanser, 1989.
- Lloyd G.* Disciplines in the making: cross-cultural perspectives on elites, learning and innovation. Oxford: Oxford University Press, 2009.

- Makkreel R.* The Emergence of the Human Sciences from the Moral Sciences // Cambridge History of Nineteenth-Century Philosophy / Eds. A. Wood, S. Hahn. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 293–322.
- Makkreel R., Luft S.* Dilthey and the Neo-Kantians: The Dispute Over the Status of the Human and Cultural Sciences // The Routledge Companion to Nineteenth Century Philosophy / Ed. D. Moyal. London: Routledge, 2010. P. 554–597.
- Mead G.H.* Mind, Self, and Society / Ed. Ch.W. Morris. Chicago: University of Chicago Press. 1934.
- New Perspectives on Historical Writing / Ed. P. Burke. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Novick P.* That Noble Dream: The “Objectivity Question” and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Passés recomposés: Champs et chantiers de l’histoire / J. Boutier, J. Dominique. P.: Éditions Autrement, 1995.
- Pomian K.* Sur l’histoire. P.: Éditions Gallimard, 1999.
- Qu’est-ce qu’une discipline? P.: Éditions Gallimard, 2006.
- Sewell J.* Logics and History: Social Theory and Social Transformation. Chicago: University of Chicago Press. 2005.
- Smail D.* On Deep History and the Brain. Berkeley: University of California Press, 2008.
- Steven M.* Humanities from Classics to Cultural Studies: Notes toward the History of an Idea // Daedalus. 2006. Vol. 135, № 2. P. 15–21.
- Szabo P.* Why history matters in ecology: an interdisciplinary perspective // Environmental Conservation. 2010. Vol. 37. P. 1–8.
- The New History: The 1980’s and Beyond. Studies in interdisciplinary history / Eds. T.K. Rabb, R. Rothberg. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1982.
- The Return of Science: Evolution, History, and Theory / Eds. P. Pomper, D.G. Shaw. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2002.
- The Stanford Humanities Center. <http://shc.stanford.edu/why-do-humanities-matter>.
- Torstendahl R.* The Rise and Propagation of Historical Professionalism. N.Y., L.: Routledge, 2015.
- Wehler H.-U.* Historische Sozialwissenschaft und Geschichtsschreibung. Studien zu Aufgabe und Traditionen der deutschen Geschichtswissenschaft. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1980.
- Witt U.* Evolutionary Economics. The New Palgrave Dictionary of Economics / Eds. S. Durlauf, L. Blume. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008.
- Ziche P.* Sharing concepts across disciplinary divides – case studies from the history of philosophy around 1920-s. URL: <http://igiti.hse.ru/IntellectualHistory/aug29>.

REFERENCES

- XX век: Metodologičeskie problemy istoričeskogo poznanija / Red. A.L. Jastrebickaja. V 2-h ch. M.: INION RAN, 2001.
- Blok M. Apologija istorii ili remeslo istorika. Moskva: Nauka, 1986.
- Bogdanov K.A. Gumanitarij – gde, kogda i pochemu: sociometrija i (russskij) jazyk // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. № 5. S. 18–29.
- Vishlenkova E.A., Galiullina R.H., Il’ina K.A. Russkie professora: universitet-skaja korporativnost’ i professional’naja solidarnost’. M.: NLO, 2012.
- Vishlenkova E.A., Malysheva S.Ju., Sal’nikova A.A. Terra Universitatis: dva veka universitetskoj kul’tury v Kazani. Kazan’: KGU, 2005.
- Girc K. Interpretacija kul’tur. M.: ROSSPJeN, 2004.

- Girc K. Glubokaja igra: zametki o petushinyh bojah u balijcev. / On zhe. Interpretacija kul'tur. S. 478–522.
- Girc K. Nasyshhennoe opisanie»: v poiskah interpretativnoj teorii kul'tury // On zhe. Interpretacija kul'tur. S. 3–10.
- Gumbrecht H.U. Ledjanye ob#jatija «nauchnosti», ili Pochemu gumanitarnym naukam predpochitel'nee byt' «Humanities and Arts» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. № 5. S. 7–17.
- Darnton R. Rabochie buntujut: velikoe koshach'e poboishhe na ulice Sen-Sevren. M.: NLO, 2002.
- Dmitriev A.N. Vvedenie // Nauki o cheloveke: istorija disciplin / Red. A.N. Dmitriev, I.M. Savel'eva. M.: VShJe. 2015 (v pechati).
- Drojzen I.G. Ocherk istoriki [1858] // Drojzen I.G. Istorika. SPb.: Vladimir Dal', 2004. S. 571–583.
- Drojzen I.G. Teologija istorii (Predislovie ko 2-mu tomu «Istorii jellinizma») [1843] // Drojzen I. G. Istorika. S. 505–525.
- Zontag S. Pod znakom Saturna // Zontag S. Mysl' kak strast'. Izbrannye jesse 1960-70-h godov. M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 1997.
- Kulakova I.P. Universitetskoe prostranstvo i ego obitateli: Moskovskij univer-sitet v istoriko-kul'turnoj srede XVIII veka. M.: Novyj hronograf, 2006.
- Le Rua Ladjuri Je. Zastyvshaja istorija // THESIS, 1993, vyp. 2. S. 153–173.
- Levi-Stross K. Strukturnaja antropologija. M.: Jeksmo-Press, 2001.
- Post R. Diskussii o disciplinarnosti // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. №107. S. 107–122.
- Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. M.: Krug#, 2011.
- Savel'eva I.M. Klassiki v istoricheskoi nauke: «svoi» i «chuzhie» // Istoricheskaja nauka segodnja: teorii, metody, perspektivy / Pod red. L.P. Repinoj. M.: LKI, 2011. S. 491–515.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. «Vozvedenie istorii v rang nauki» (k jubileju Ioganna Gustava Drojzena) // Dialog so vremenem. 2008. Vyp. 25. S. 26–54.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Istorija i vremja: v poiskah utrachennogo. M.: Jazyki russkoj kul'tury. 1997.
- Soslovie russkikh professorov: sozdateli statusov i smyslov / Red. E.A. Vishlenkova, I.M. Savel'eva. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2013.
- Tosh Dzh. Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika. M.: Ves' Mir, 2000.
- Utchenko S.L. Glazami istorika. M.: Nauka, 1966.
- Shonju P. Jekonomicheskaja istorija: jevoljucija i perspektivy // THESIS, 1993, vyp. 1. S. 137–151.
- Abbott A. Chaos of Disciplines. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
- Abbott A. History and Sociology. The Lost Synthesis. Social Science History. 1991, 15/2: P. 201–238.
- Blumer H. Symbolic Interactionism; Perspective and Method. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1969.
- Braudel F. Histoire et sciences sociales: La longue durée // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1958. №4. P. 725–753.
- Charon J.M. Symbolic Interactionism: An Introduction, an Interpretation, an Integration. Boston: Prentice Hall, 2009.

- Contat N. *Anecdotes typographiques où l'on voit des coutumes, moeurs et usages singuliers des compagnons imprimeurs* / Ed. G. Barber, Oxford: Oxford University Press, 1980. P. 51–53.
- Daston L. *Die Akademien und die Einheit der Wissenschaften. Die Disziplinierung der Disziplinen* // *Die Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften zu Berlin im Kaiserreich* / J. Kocka, R. Hohlfeld, P.Th. Walther. Berlin: Akademie Verlag, 1999.
- Faire de l'histoire* / J. Le Goff, P. Nora. 3 Vol. P.: Éditions Gallimard, 1974.
- Fracchia J., Lewontin R.C. *Does Culture Evolve?* // *History and Theory*. 1999. Vol. 38. P. 1–13.
- Frontiers of Evolutionary Economics* / Eds. J. Foster, J. Stanley Metcalfe. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2001.
- Goldman H. *Max Weber and Thomas Mann: Calling and the Shaping of the Self*. Berkeley: University of California Press, 1988.
- Griffin E.A. *A First Look at Communication Theory*. Boston: McGraw-Hill, 2006.
- Iggers G.G. *Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Hanover (NH): Wesleyan University Press; University Press of New England, 1997.
- L'Histoire et le métier d'historien en France 1945–1995* / Ed. F. Bédarida. P.: Editions de la MSH, 1995.
- La nouvelle histoire* / R. Chartier, J. Le Goff, J. Revel. P.: Retz/CEPL, 1978.
- Langer S. *Philosophy in a New Key*. Cambridge (Mass.), 1960.
- Lepénies W. *Die drei Kulturen. Soziologie zwischen Literatur und Wissenschaft*. München: Hanser, 1985.
- Lepénies W. *Gefährliche Wahlverwandtschaften. Essays zur Wissenschaftsgeschichte*. München: Hanser, 1989.
- Lloyd G. *Disciplines in the making: cross-cultural perspectives on elites, learning and innovation*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Makkreel R. *The Emergence of the Human Sciences from the Moral Sciences* // *Cambridge History of Nineteenth-Century Philosophy* / Eds. A. Wood, S. Hahn. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 293–322.
- Makkreel R., Luft S. *Dilthey and the Neo-Kantians: The Dispute Over the Status of the Human and Cultural Sciences* // *The Routledge Companion to Nineteenth Century Philosophy* / Ed. D. Moyal. London: Routledge, 2010. P. 554–597.
- Mead G.H. *Mind, Self, and Society* / Ed. Ch.W. Morris. Chicago: University of Chicago Press. 1934.
- New Perspectives on Historical Writing* / Ed. P. Burke. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Novick P. *That Noble Dream: The "Objectivity Question" and the American Historical Profession*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Passés recomposés: Champs et chantiers de l'histoire* / J. Boutier, J. Dominique. P.: Éditions Autrement, 1995.
- Pomian K. *Sur l'histoire*. P.: Éditions Gallimard, 1999.
- Qu'est-ce qu'une discipline?* P.: Éditions Gallimard, 2006.
- Sewell J. *Logics and History: Social Theory and Social Transformation*. Chicago: University of Chicago Press. 2005.
- Smail D. *On Deep History and the Brain*. Berkeley: University of California Press, 2008.

- Steven M. Humanities from Classics to Cultural Studies: Notes toward the History of an Idea // *Daedalus*. 2006. Vol. 135, № 2. R. 15–21.
- Szabo P. Why history matters in ecology: an interdisciplinary perspective // *Environmental Conservation*. 2010. Vol. 37. P. 1–8.
- The New History: The 1980's and Beyond. Studies in interdisciplinary history / Eds. T.K. Rabb, R. Rothberg. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1982.
- The Return of Science: Evolution, History, and Theory / Eds. P. Pomper, D.G. Shaw. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2002.
- The Stanford Humanities Center. <http://shc.stanford.edu/why-do-humanities-matter>.
- Torstendahl R. The Rise and Propagation of Historical Professionalism. N.Y., L.: Routledge, 2015.
- Wehler H.-U. Historische Sozialwissenschaft und Geschichtsschreibung. Studien zu Aufgabe und Traditionen der deutschen Geschichtswissenschaft. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1980.
- Witt U. Evolutionary Economics. The New Palgrave Dictionary of Economics / Eds. S. Durlauf, L. Blume. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008.
- Ziche P. Sharing concepts across disciplinary divides – case studies from the history of philosophy around 1920-s. URL: <http://igiti.hse.ru/IntellectualHistory/aug29>.

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, директор ИГИТИ им. Полетаева, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; isavelieva@yandex.ru

Has history become a social science? Energetic embrace of ‘scientificity’

In modern Academia, history is occasionally classified as a social science. My aim is to demonstrate why history has not become a real social science, although in 1960-80s historians who embraced the most advanced trends within the discipline aspired to this. Two-faced status of history is problematized as a conflict between theory and method, which emerges when historians adopt the theories of social sciences. Although historians have sought theoretical renewal by turning to the theories of various social sciences, they rarely can use techniques and ways of cognition that are normally used by sociologists, psychologists or anthropologists – psychometric testing, sociometric monitoring, ethnographic description, in-depth interview, long-term observation. What does happen if a historian bases his/her research on a theory developed for another discipline, which has other ways of working with subjects in the present? Examples from a number of historical sub-disciplines could be offered to answer this question.

Keywords: history, social sciences, humanities, theory, method, symbolic interactionism, cultural interpretation.

Irina Savelieva, Dr.Sc. (History), Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow; isavelieva@yandex.ru